

Научная статья

УДК 94 (450)

DOI 10.24412/2076-9105-2026-161-129-147

Павлов Кирилл Владимирович

аспирант

Санкт-Петербургского государственного университета

Россия, Санкт-Петербург

kir2014sch603@gmail.com; ORCID: 0009-0008-7779-3631

**ФРАНЧЕСКО ГВИЧЧАРДИНИ —
ПРИБЛИЖЕННЫЙ ЛЬВА X (1516–1521)**

Аннотация. В статье рассмотрен этап 1516–1521 гг. в политической практике знаменитого уроженца Флоренции эпохи Итальянских войн Франческо Гвиччардини. В исследовании сделан акцент на взаимосвязи его деятельности с интересами папства. Сделан вывод о разумном и взвешенном характере политической практики Гвиччардини на ряде занимаемых им в 1516–1521 гг. административно-дипломатических постов периода папства дома Медичи. В то же время в работе подчеркивается, что интересы папства и интересы Флоренции в период военной дипломатии на Апеннингах не были равнозначны, а папство дома Медичи, скорее, подчинило собственным интересам флорентийский политический организм.

Ключевые слова: Флоренция, папство, Итальянские войны, Гвиччардини, Лев X, Медичи, оборона Пармы.

Для цитирования: Павлов К. В. Франческо Гвиччардини — приближенный Льва X (1516–1521) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2026. № 1 (61). С. 129–147. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-161-129-147>

Original article

UDC 94 (450)

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-161-129-147

Pavlov Kirill V.

Postgraduate student

St. Petersburg University, Institute of History

Russia, St. Petersburg

kir2014sch603@gmail.com; ORCID: 0009-0008-7779-3631

**FRANCESCO GUICCIARDINI —
A CLOSE EXECUTOR OF LEO X (1516–1521)**

Abstract. The article examines the period 1516–1521 in the Italian Wars' political practice of the famous Florentine Francesco Guicciardini. The relevance of the topic is determined by the interest of Early Modern history studies in a detailed analysis of specific

episodes in the history of the Italian Wars and the activities of certain individuals which have not been considered complexly. The author places a fundamental emphasis on the relationship between the practices of Guicciardini, a prominent figure in Italian politics, and the interests of papacy. Based on the analysis of a number of works by Francesco Guicciardini himself, as well as some works by his compatriots and contemporaries, the authoritative position of the Florentine in the administrative and diplomatic corps of the pontiff Leo X (Giovanni Medici) is demonstrated. As a result of the study, the conclusion was made on the reasonable and balanced nature of the 1516–1521' political practice of Francesco Guicciardini in a number of administrative and diplomatic posts he occupied in the Medici papacy' system. At the same time, the author of the study comes to the conclusion that the interests of the papacy and the interests of Florence during that period of military diplomacy in the Apennines were not equivalent, and the papacy of the House of Medici, rather, subordinated the Florentine political organism to its own interests.

Keywords: Florence; papacy; Italian Wars; Guicciardini; Leo X; Medici; defense of Parma.

For citation: Pavlov K. V. Francesco Guicciardini — a close executor of Leo X (1516–1521) // *MCU Journal of Historical Studies*. 2026. № 1 (61). P. 129–147. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-161-129-147>

Введение. Фигура флорентийского дипломата, историка и мыслителя эпохи Итальянских войн 1494–1559 гг., автора знаменитых «Заметок о делах политических и гражданских» (*Ricordi*)¹ и фундаментальной «Истории Италии» (*Storia d'Italia*)² Франческо Гвиччардини (1483–1540) традиционно интересовала ученые умы различных школ и поколений. Интерес исследователей вызывали вопросы, связанные как с политической деятельностью Гвиччардини, так и с его философским и литературным наследием. Большинство работ Франческо Гвиччардини приобрели широкую известность в XIX в., на заре институционального становления исторической науки.

В первую очередь историками XIX в. были опубликованы сочинения Гвиччардини из фамильного архива: фундаментальное 10-томное критическое издание его работ под руководством итальянского ученого Дж. Канестрини курировалось наследниками флорентинца, П. и Л. Гвиччардини³. На базе вновь открытого материала источников в конце того же XIX в. персоне Гвиччардини были посвящены монографии некоторых итальянских ученых, в частности Э. Дзанони. Труды «Общественная жизнь Франческо Гвиччардини»⁴ и «Идея

¹ *Francesco Guicciardini. Ricordi // Opere di Francesco Guicciardini. Vol. 1: Storie fiorentine. Dialogo del reggimento di Firenze. Ricordi e altri scritti / a cura di E. Scarano. Torino, 1974. P. 723–848. (Classici italiani).*

² *Storia d'Italia di Francesco Guicciardini // Opere di Francesco Guicciardini: in 3 vol. / a cura di E. Scarano. Vol. 2–3. Torino, 1981.*

³ *Opere Inedite di Francesco Guicciardini / illustrate da G. Canestrini e pubblicate per cura dei conti Piero e Luigi Guicciardini: in 10 vol. Firenze, 1857–1866.*

⁴ *Zanoni E. Vita Pubblica di Francesco Guicciardini. Con nuovi documenti. Bologna, 1896.*

Франческо Гвиччардини»⁵, принадлежащие его перу, посвящены политической теории флорентинца, которую тот сам описал как систему противовеса мер⁶. По мнению Дзанони, Ф. Гвиччардини обосновывал идею дипломатического представительства как противовеса войне, а войны — как противовеса дипломатическому представительству⁷. Для аргументации собственной точки зрения Дзанони дополнил известную со времен труда Канестрини базу источников по проблеме, издав по фондам Библиотеки Строчи ранее неизвестные ученым письма из служебной дипломатической и административной корреспонденции Гвиччардини⁸. В то же время, анализируя стиль исторического повествования Гвиччардини, Дзанони обратил внимание на то, что флорентинец в значительной степени порвал с традицией его предшественников и соотечественников (Джино Каппони, Леонардо Бруни Аретино, Бьондо Флавио) строить описание истории по принципам сочинений античных авторитетов⁹. В этом смысле, по мнению Дзанони, Гвиччардини проявил новаторство, далеко идущее вперед, в сравнении с его современниками — историческими писателями XVI в., «продолжавшими следовать за Фукидидом... как за бриллиантовым образцом»¹⁰. Досконально рассмотрев модель изложения истории Гвиччардини, Дзанони задал своего рода канонический дискурс изучения наследия флорентинца, поддерживавшийся исследователями в течение всего XX в. Так, именно Гвиччардини-историку были посвящены ставшие на сегодня классическими исследованиями американских ученых Ф. Гилберта¹¹ и М. Филлипса¹².

В современной исторической науке фигура Ф. Гвиччардини изучается по-прежнему активно и всеобъемлюще. В ряде публикаций за последние годы деятельность и взгляды флорентинца рассмотрены через призму различных концепций: нарратологии, текстологии, исторической психологии и (или) антропологического дискурса гуманитарных исследований. Так, испанский исследователь Х. дель Паласио Мартин, анализируя «Заметки о делах политических и гражданских» Гвиччардини, обозначает концепцию понимания политики флорентинца как «реалистическую чувствительность» (*sensibilidad realista*)¹³. В представлении ученого соизмерение окружающей действительности с эмоциональным восприятием приводит Гвиччардини к выводу о необходимости «анализировать влияние человеческого фактора на развитие истории»¹⁴. В свою очередь, скандинавский

⁵ *Zanoni E.* La mente di Francesco Guicciardini. Nelle opera politiche e storiche. Firenze, 1897.

⁶ *Zanoni E.* Vita Pubblica di Francesco Guicciardini. Con nuovi documenti. P. 24–25.

⁷ Ibid.

⁸ *Zanoni E.* La mente di Francesco Guicciardini. Nelle opera politiche e storiche. P. 383–492.

⁹ Ibid. P. 190–193.

¹⁰ Ibid. P. 194–195.

¹¹ *Gilbert F.* Machiavelli and Guicciardini: Politics and history in sixteenth-century florence. Princeton, 1965.

¹² *Phillips M.* Francesco Guicciardini: the historian's craft. Toronto, 1977.

¹³ *del Palacio Martín J.* “Contro a ogni ragione del mondo”: religion y realismo politico en el Ricordo C1 de Guicciardini // *Medievalia*. 2025. Vol. 28. № 1. P. 221.

¹⁴ *del Palacio Martín J.* Op. cit.

исследователь Э. Расмуссен предлагает относиться к политической теории Гвиччардини как к «политике воображения», реальная эффективность которой, в условиях эпохи Итальянских войн, недоказуема вовсе¹⁵. Рассматривать идеи Ф. Гвиччардини как сразу три комплексные взаимосвязанные теории — разума, опыта и истории — предлагает профессор Университета Севильи Х. Фернандес Муньос¹⁶. Тогда как польская исследовательница М. Чапиньска-Бамбара считает возможным выделить в политической теории и историческом повествовании Ф. Гвиччардини совокупное ключевое понятие «терпение» (*pazienza*)¹⁷. Наконец, в работах американской исследовательницы Дж. Гётхальс¹⁸, румынских ученых Н. Цалина и Л. М. Грозоиу¹⁹ и итальянского историка Л. Бруно²⁰ развивается компаративистский дискурс. Идеи и практика Ф. Гвиччардини сравниваются с рассуждениями его младшего брата Луиджи (1478–1551), а также с идеями и практикой его не менее знаменитого старшего современника и соотечественника, секретаря флорентийской дипломатии в 1498–1512 гг. Никколо Макиавелли (1469–1527). Гётхальс берет за основу сравнения этику и стилистику описания братьями Гвиччардини событий «Римского мешка» мая 1527 г.²¹; Цалина и Грозоиу — рассуждения Гвиччардини и Макиавелли о влиянии фортуны на историю и политику²²; Бруно — исторические аналогии, проводимые Гвиччардини и Макиавелли при анализе политического строя Рима²³.

Таким образом, в различных исследованиях, посвященных идеям и деятельности Ф. Гвиччардини, вопрос службы флорентинца римскому понтифику Льву X (1513–1521) на ряде административных должностей в 1516–1521 гг. и при обороне Пармы 1521 г. — важнейший этап его политической практики — предметно не рассматривался, что обуславливает научную актуальность и новизну данной статьи.

Источниками исследования стали ряд работ Франческо Гвиччардини: рассуждение-панегирик «Как обеспечить государство дому Медичи», также известное как «Пятое рассуждение» (*Discorso Quinto*) (1516)²⁴; некоторые письма

¹⁵ *Rasmussen E.* Politics of the imagination: Francesco Guicciardini and the conditions of effective government // *The Review of Politics*. 2025. Vol. 87. № 2. P. 191–192.

¹⁶ *Fernández Muñoz J.* Razon, experiencia e historia en los *Ricordi* de Guicciardini: el camino hacia la libertad // *Archivo Teológico Granadino*. 2025. Vol. 88. P. 93.

¹⁷ *Czapińska-Bambara M.* Taxonomy of patience in sixteenth-century Florentine political thought // *Studia Ceranea*. 2024. Vol. 14. P. 13–15.

¹⁸ *Goethals J.* Apocalypse at the gate: Marching toward the 1527 sack of Rome // *California Italian Studies*. 2024. Vol. 13. № 1. P. 9.

¹⁹ *Călina N., Grozoiu L. M.* On Francesco Guicciardini's thought and some of his considerations on Machiavelli // *Athens Journal of History*. 2021. Vol. 7. № 4. P. 264.

²⁰ *Bruno L.* Machiavelli e i conflitti horrendi ma necessari // *Roczniki Humanistyczne*. 2024. T. 72. № 5. S. 252.

²¹ *Goethals J.* Op. cit. P. 9.

²² *Călina N., Grozoiu L. M.* Op. cit. P. 264.

²³ *Bruno L.* Op. cit. S. 252.

²⁴ *Francesco Guicciardini.* Discorso Quinto. Del modo di riformare il Governo, per meglio assicurare lo Stato alla Casa dei Medici, la quale era rappresentata da papa Leone X, da Lorenzo e dal cardinal Giulio [Del modo di assicurare lo Stato alla Casa dei Medici] // *Opere inedite di Francesco Guicciardini* /

Гвиччардини периода административной службы при Льеве X, адресованные его брату Луиджи Гвиччардини и папским административным структурам (1516–1517); рапорт «Об обороне Пармы» (*Relazione della difesa di Parma*) (1521)²⁵; наконец, основные сочинения флорентинца, обращение к которым при изучении его деятельности в некотором роде канонично: «История Италии» (*Storia d'Italia*) и «Заметки о делах гражданских и политических» (*Ricordi*) (1536–1540)²⁶. Кроме того, в статье рассмотрены отдельные положения из исторического труда современника и соотечественника Гвиччардини, дипломата эпохи Итальянских войн Франческо Веттори (1474–1539) «Изложение истории Италии 1511–1527 гг.» (*Sommario della Istoria d'Italia*)²⁷.

Ход и результаты исследования. В эпоху Итальянских войн 1494–1559 гг. Флорентийская республика прошла череду последовательных трансформаций своего внутривнутриполитического устройства и вместе с тем дипломатического курса. Как известно, стартовая фаза военно-дипломатического конфликта, именуемого Итальянские войны, была определена вторжением Франции в королевство Неаполь в 1494 г. с целью борьбы за «анжуйское наследие» дома Валуа. В политических намерениях французской короны существовал и другой, впоследствии также активизированный в Итальянских войнах проект — «Орлеанское наследие», связанный со стремлением воплотить в жизнь наследственные притязания на управление герцогством Милан — историческим форпостом в Северной Италии. Пересечение интересов в этих «перекрестных» городах-государствах на разных концах Апеннин ряда европейских держав-гегемонов (Франции и империи Габсбургов в Милане, Франции и Испании в Неаполе), по мнению британских исследователей политической истории ренессансной Италии М. Маллетта и К. Шоу, почти априорно обрекало итальянский конфликт на затяжное развитие²⁸.

Illustrate da G. Canestrini e pubblicate per cura dei conti Piero e Luigi Guicciardini: in 10 vol. Vol. 2. Firenze, 1858. P. 325–343. «Как обеспечить государство дому Медичи» (*Del modo di assicurare lo Stato alla Casa dei Medici*) — наиболее распространенное в научной литературе название данного панегирического рассуждения Франческо Гвиччардини в адрес дома Медичи. В издании сочинений флорентинца под руководством Дж. Канестрини этот панегирик вошел в «компендиум» из десяти тематически схожих рассуждений Гвиччардини, объединенных издателем под заголовком «Рассуждения, относящиеся к изменениям и преобразованиям флорентийского правительства» (*Discorsi intorno alle mutazioni e riforme del governo Fiorentino*). Имея в виду, что авторский заголовок панегирика Гвиччардини нам неизвестен, здесь и далее в тексте статьи будем использовать название, наиболее распространенное в научной литературе.

²⁵ *Francesco Guicciardini. Relazione della difesa di Parma // Francesco Guicciardini. Opere / a cura di V. de Caprariis. Milano-Napoli, 1961. P. 45–57.*

²⁶ Ссылки на классическое издание писем Гвиччардини за авторством Э. Дзанони, а также на издание «Истории Италии» и «Заметок о делах гражданских и политических» с комментарием и критикой Э. Скарано, используемые в данной статье, приведены выше.

²⁷ *Francesco Vettori. Sommario della Istoria d'Italia // Francesco Vettori. Scritti storici e politici / a cura di E. Nicolini. Bari, 1972. P. 135–246.*

²⁸ *Mallett M., Shaw C. The Italian Wars, 1494–1559: War, state and society in Early Modern Europe. Routledge, 2012. P. 7–9.*

В условиях французской экспансии на Апеннинах Флоренция поступила неожиданно, отказавшись от традиционной для себя франкофильской дипломатической линии и поддержав находившийся на южно-итальянском престоле арагонский дом Испании²⁹. Это был шаг молодого наследника покойного Лоренцо Медичи Великолепного, взбалмошного и авантюрного Пьеро II Медичи. Личное решение молодого правителя, принятое вопреки интересам большинства тосканских нобилей, привыкших к разнородной кооперации с французскими дельцами, вкуче с антифлорентийским восстанием в Пизе осенью 1494 г., поддержанным Венецией и приведшим пизанцев к фактической независимости от господства Флоренции, стоило Пьеро Медичи и его дому изгнания из города³⁰. Фактическое правление Тосканской республикой, как указывает американский историк Ф. Гилберт, в этот период на несколько недель, с начала ноября по середину декабря 1494 г., принял на себя комитет из двадцати флорентийских аристократов, именовавшихся «соединители» (*Assorpiatori*)³¹. Однако во второй половине декабря 1494 г. ввиду раскола в рядах «двадцатки» правление Флоренцией перешло в руки весьма одиозной фигуры — католического монаха и ригориста Джироламо Савонаролы, поддержанного «радикальным» крылом «соединителей», с тех пор именовавшим себя «плакальщиками» (*Piagnoni*)³².

Пользуясь их безраздельной поддержкой, Савонарола оставался у власти во Флоренции почти четыре года: этот период флорентийской истории в контексте хода Итальянских войн отмечен полным возвратом Тосканской республики к профранцузскому курсу³³. Флоренция при Савонароле фактически превратилась в своего рода перевалочный лагерь французских войск на пути углубления их движения по территории Апеннин. Следствием такой политики для большинства тосканцев стали нищета и голод, а ее итогом для Флоренции — в мае 1498 г. — казнь монаха³⁴.

В новой политической модальности, существовавшей в 1498–1512 гг., Флорентийская республика под руководством гонфалоньера Пьеро Содерини выработала иную стратегию военно-дипломатической реакции на события Итальянских войн: основой ее стал генеральный нейтралитет с опорой на разрешение проблемы возврата Пизы³⁵. Успех стратегии Флоренции обеспечила сумма двух обстоятельств: заключение в 1502 г. Содерини оборонительного союза с Францией (приведшего его самого к статусу пожизненного гонфалоньера

²⁹ *Mallett M., Shaw C.* Op. cit. P. 17.

³⁰ *Gilbert F.* Op. cit. P. 52.

³¹ *Ibid.* P. 52–53.

³² *Ibid.* P. 55–57.

³³ *Павлов К. В.* Голод и чума в эпоху Итальянских войн: повседневное и политическое измерение (по сведениям флорентийских источников) // История повседневности в российской гуманитаристике — взгляд из 2024 г.: монография / под ред. Д. П. Шульгиной и др. М., 2024. С. 313–314.

³⁴ Там же. С. 314.

³⁵ *Mallett M., Shaw C.* Op. cit. P. 77–79.

(*gonfaloniere perpetuo*) и отторжение Венеции от помощи Пизе ввиду нападения на самих венецианцев в 1509 г. сил Камбрейской лиги³⁶. Последнее обстоятельство, ставшее ключевым фактором пизанского триумфа флорентинцев, впервые поставило под сомнение прочность нейтралитета Тосканской республики. Как горько свидетельствовал главный архитектор военной составляющей успеха пизанской кампании 1509 г., секретарь дипломатии Флоренции в 1498–1512 гг. Никколо Макиавелли во второй части поэмы «Десятилетия» (*Decennali*), Тосканской республике пришлось пойти на подкуп европейских держав-гегемонов для обеспечения собственного нейтралитета и решения пизанского вопроса: «Так что, желая совершить определенный подвиг, стало нужно каждому нечестивцу заткнуть рот, который он держал открытым»³⁷.

Неожиданным следствием пизанского триумфа 1509 г. для Флоренции, уже спустя три года, стал новый виток формационных изменений: в результате поддержанного Испанией переворота Пьеро Содерини изгнали и править в город вернулись Медичи. Американский историк М. Филлипс отмечает, что среди современников этого события 1512 г. во Флоренции, отметившихся историческими сочинениями, были те, кто не упомянул в них обстоятельства возвращения Медичи вовсе или описал их вскользь, чтобы «уклониться от фавора тирании»³⁸.

Среди флорентийских современников реставрации Медичи 1512 г. наиболее взвешенную оценку этому событию дал историк и дипломат Франческо Веттори. В своем «Изложении истории Италии 1511–1527 гг.» Веттори метко обозначил наблюдаемую им череду политических трансформаций в Тосканской республике словом «забор» (*steccato*)³⁹, а возвращение дома Медичи к правлению Флоренцией связал с разочарованием бывших сторонников из аристократических кругов Пьеро Содерини его режимом. Содерини сумел использовать свою власть для установления в 1502 г. режима гонфалоньерата, подобного абсолютистскому (по справедливому критическому замечанию Веттори, во многом за счет благополучного стечения внешних обстоятельств, а не исключительных личных добродетелей)⁴⁰, что в итоге не устроило аристократические кланы города, ожидавшие после бегства Медичи равнозначного влияния в управлении Флоренцией. По этой причине возвращение Медичи во Флоренцию, инспирированное внешними силами (прежде всего Испанией), не встретило серьезного сопротивления со стороны этих кланов⁴¹. Результатом же возвращения династии

³⁶ Камбрейская лига 1509 г. (фактически оформленная в конце 1508 г.) явилась временным союзом Франции, папства, Испании и империи Габсбургов, преследовавших в Итальянских войнах сугубо индивидуальные цели, но объединившихся в конкретный момент против общего врага — Венеции. Вскоре после ликвидации венецианской угрозы бывшие члены лиги повели военные действия уже друг против друга, исходя из собственных амбиций.

³⁷ *Niccolo Machiavelli. Decennali // Niccolo Machiavelli. Opere / a cura di M. Bonfantini. Milano-Napoli, 1954. P. 1070.*

³⁸ *Phillips M. Op. cit. P. 36–37.*

³⁹ *Francesco Vettori. Op. cit. P. 140.*

⁴⁰ *Ibid. P. 141.*

⁴¹ *Ibid. P. 143.*

Медичи к правлению Флоренцией стало появление в городе в некоторой степени уникальной формы государственности — дуалистической республики.

Дуализм управления Флоренцией в рамках сохранения ее республиканской традиции поддерживался домом Медичи благодаря ряду административных реформ. Так, ключевым органом государственной власти в результате реорганизации городских магистратов во Флоренции стал Комитет сорока шести (впоследствии расширенный до шестидесяти шести человек и получивший наименование Балья (*Balia*)). Этот комитет сначала (в сентябре 1512 г.) возглавил один из соправителей дома Медичи — Джованни ди Лоренцо⁴². Однако уже через месяц, в октябре 1512 г., фактический «лист» действующих лиц в Балье, ответственных за принятие любых значимых политических решений, был сокращен до двадцати человек, которые снова стали именовать себя так, как их предшественники образца 1494 г. — *Assoppiatori*⁴³. А лидером «двадцатки» стал младший брат Джованни, Джулиано ди Лоренцо Медичи.

Таким образом, в Тосканской республике после возвращения Медичи были предприняты все меры для создания так называемых узких правительств (*governi stretti*)⁴⁴. Ключевым обстоятельством, способствовавшим специфике практической реализации проекта узких правительств Джованни и Джулиано Медичи во Флоренции, в 1513 г. стал феноменальный политический успех старшего из братьев. Будучи кардиналом католической церкви, он после смерти папы Юлия II принял участие в выборах понтифика и сенсационно одержал на них победу, став папой Львом X, а власть над Флоренцией оставил младшему Джулиано⁴⁵. Получив престол римского первосвященника, Лев, однако, не отказался от продвижения флорентийских интересов де-факто и предпринял чрезвычайно амбициозный политический проект: он начал объединять папские владения и владения дома Медичи в единый конгломерат. Джованни передал номинально подконтрольные папству территории в Северной Италии — Модену, Реджо, Парму и Пьяченцу — в управление своему брату Джулиано Медичи, уже имевшему положение лидера флорентийской Бальи⁴⁶. Отсюда и основания называть Флоренцию тех лет уникальной дуалистической республикой, имевшей двух братьев-соправителей, независимой и одновременно подчиненной папству (в ситуации, когда это папство представлял флорентинец). В то же время Флоренция, потерявшая союз с Францией после свержения Содерини, но не нашедшая пока ему альтернативы, оказалась в ситуации неопределенности своего дипломатического статуса.

Как полагал Э. Дзанони, союз флорентинцев с Испанией, приведшей Медичи назад во Флоренцию, парадоксальным образом был трудно реализуем из-за необходимости «предупреждения испанской сенсации в отношении

⁴² *Gilbert F.* Op. cit. P. 131–133.

⁴³ *Ibid.* P. 133.

⁴⁴ *Phillips M.* Op. cit. P. 36–37.

⁴⁵ *Gilbert F.* Op. cit. P. 133–134.

⁴⁶ *Mallett M., Shaw C.* Op. cit. P. 126.

Флоренции, подобной осуществленной Фердинандом в Неаполе»⁴⁷. Констатировав факт успешного восстановления Фердинандом Арагонским полноты своей власти над Неаполем, Дзанони бросил упрек в адрес флорентийского посланника при испанском дворе Ф. Гвиччардини, хотя и признал, что цели его миссии в Мадрид 1512–1513 гг. трудно определить⁴⁸. Вероятно, и сам Ф. Гвиччардини чувствовал некоторую неопределенность в этой миссии. Во всяком случае, среди знаменитых *Ricordi* у него будет присутствовать следующий пассаж, звучащий некоторым отголоском испанской миссии 1512–1513 гг.: «На мой взгляд, хорошо правителю, у которого есть благоразумные и честные послы, благоприятно расположенные к нему и обеспеченные настолько, что у них нет причин зависеть от других. Следовало бы лучше раскрывать им свои намерения. Но если он не может быть уверен, что его послы полностью соответствуют этому описанию, безопаснее оставить их в неведении и позволить основаниям для убеждения других быть теми же основаниями, которые убеждают самих послов»⁴⁹. Хотя в данных словах Гвиччардини не исключен и скептицизм в отношении излишнего расточительства флорентийских правителей в попытках выстраивания дипломатических и личных связей.

По мнению исследователей из Осло Х. Лейра и Б. де Карвальо, для итальянских городов-государств институт дарения вообще являлся основой дипломатической стратегии, поскольку гарантировал им жизненно важное присутствие в системе средиземноморской торговли⁵⁰. А Лоренцо Медичи, как констатирует британский историк Дж. Брайс, и вовсе регулярно совершал дипломатические дарения, а однажды даже одарил своего клиента Браччо Мартелли по случаю обсуждавшегося в городе брачного праздника⁵¹. Брайс связывает характер Лоренцо с принятой для Медичи практикой формирования узкого круга близких лиц, так называемой компании (*brigata*), отношение к которым формулировалось как «узаконенная дружба» (*pro iure amicitie*)⁵². С подобной практикой весьма соотносится, а возможно, выглядит и как ее прямое следствие «двадцатка» *Assorpiatori*, с 1512 г. существовавшая рядом с вновь вернувшимися во Флоренцию Медичи. Правда, Ф. Гвиччардини (вероятно, скорее в силу осторожности, нежели принадлежности) никогда не высказывал прямой критики в адрес *Assorpiatori*. Как бы то ни было, именно с момента возвращения дипломата из Испании и начинается история политического союза Льва X и Гвиччардини.

В «Истории Италии» Гвиччардини избрание Джованни Медичи папой под именем Льва X охарактеризовано как сенсация и триумф одновременно⁵³.

⁴⁷ *Zanoni E.* La mente di Francesco Guicciardini. Nelle opera politiche e storiche. P. 149.

⁴⁸ *Ibid.*

⁴⁹ *Francesco Guicciardini.* Ricordi. P. 727.

⁵⁰ *Leira H., de Carvalho B.* The intercity origins of diplomacy: Consuls, empires, and the sea // *Diplomatica.* 2021. Vol. 3. № 1. P. 151–152.

⁵¹ *Bryce J.* The Donati-Ardinghelli wedding of 1465: A closer rReading of Braccio Martelli's letter of April 27 to Lorenzo de' Medici // *Renaissance Quarterly.* 2024. Vol. 77. № 1. P. 48.

⁵² *Ibid.*

⁵³ *Storia d'Italia di Francesco Guicciardini.* Vol. 3. P. 54 [1096].

После этого Гвиччардини не раз проявил себя рьяным сторонником понтифика, вполне достойным узкого круга медичейских *Assorpiatori* (хотя его отец, Пьеро Гвиччардини, тяготел скорее к движению Савонароллы⁵⁴). А в 1516 г., стремясь оправдаться в крайне неоднозначно завершенной дипломатической миссии 1512–1513 гг. в Испанию, не способствовавшей установлению флорентийско-испанского союза взамен прежнего союза Флоренции с Францией, Ф. Гвиччардини и вовсе написал правящей династии панегирик — рассуждение «Как обеспечить государство дому Медичи»⁵⁵. В нем автор обозначил свое видение места Флоренции в дипломатическом проекте Медичи как политического центра единого конгломерата их земель и владений папства. «Это владение предлагает им прочную основу, на которой они могут утвердиться. Без него все, что бы они ни делали, со временем или при первой же встрече с трудностями погубит их. Сохранение этого государства было бы надежным шагом к сохранению всех остальных мест. Ведь если они откажутся от всего остального, но сохранят это, их все равно будут считать могущественными за то, что они имеют государство такого качества. Особенно те, кто вспомнят, как они получили все от папы, и поэтому не являются естественными правителями, а скорее гражданами и потомками отцов, которые были могущественными, но всегда жили как частные лица»⁵⁶.

В указании Гвиччардини о жизни отцов — соправителей Медичи как «грандов, всегда гражданственных частных лиц» (*grandi, sempre civilmente e privatamente*)⁵⁷ можно проследить интересную параллель с более ранними идеями еще одного знаменитого панегириста медичейской фамилии — Леонардо Бруни Аретино. Исследователь из Чикагского университета Г. Ридли обращает внимание на следующую деталь исторического повествования Бруни: стремление противопоставить древние тосканские свободы порядкам остального Рима и выделить именно «тосканизм» происхождения общественных основ республиканской традиции во Флоренции⁵⁸. В то же время Ридли подчеркивает, что Бруни был ярко выраженным сторонником идеи самодостаточности Тосканской республики. Ответственность за республику конституируется ренессансным мыслителем высшей формой ответственности, в сравнении с условным конструированием принадлежности к имперской легенде, в которой «Римская империя была полной противоположностью расцвету других городов, кроме Рима»⁵⁹. Медичи, в представлении Бруни, несли равную ответственность за Флоренцию со своими согражданами. Тогда

⁵⁴ *Gilbert F.* Op. cit. P. 56.

⁵⁵ *Павлов К. В.* Сочинение Франческо Гвиччардини «Как обеспечить государство дому Медичи»: нетипичный образец панегирического направления флорентийской ренессансной политической мысли // Гуманитарные исследования молодых ученых Южного Урала: науч. ежегод. Вып. 7. Челябинск, 2023. С. 13–14.

⁵⁶ *Francesco Guicciardini.* Del modo di assicurare lo Stato alla Casa dei Medici. P. 328.

⁵⁷ *Ibid.*

⁵⁸ *Ridley G.* Political obligation and self-sufficiency in Leonardo Bruni's history of the Florentine people // *Austrian History Yearbook.* 2024. Vol. 55. P. 6.

⁵⁹ *Ibid.*

как Гвиччардини противопоставил Джулиано Медичи и еще одного представителя их династии во власти, генерала Флорентийской республики Лоренцо ди Пьеро, их возвысившемуся родственнику в отношении к семейному делу — управлению Флоренцией: «Ведь имея столь молодого понтифика, они так высоко замахнулись на власть, что управление этим городом кажется им сущим пустяком. Видно, что это один из самых незначительных капиталов, которыми они владеют»⁶⁰. Тем самым Гвиччардини продемонстрировал личную приверженность именно линии Джованни Медичи внутри семейной политики: результатом этого стало его возвышение при Льве X в качестве папского администратора. Было бы справедливо отметить, что это во многом противоречило отношению Ф. Гвиччардини к институту церкви, весьма иллюстративно высказанному им в следующей записи в «Заметках о делах политических и гражданских»: «Я не осуждаю пост, молитву и прочие благочестивые дела, предписанные церковью или рекомендованные монахами. Но лучшее из всех благ — это, и в сравнении с этим все остальное ничтожно, — никому не причинять вреда и всем помогать, насколько это возможно»⁶¹. Вместе с тем все это нисколько не вступало в противоречие со следующим характерным обстоятельством биографии Льва X, зафиксированным Франческо Веттори: представитель дома Медичи стал понтификом, не имея до этого опыта священника и служа в церковных институтах на административных должностях⁶².

Положение Флорентийской республики в войнах на Апеннинах к моменту утверждения Гвиччардини в высокой должности при понтифике свелось к роли стороны-участницы итальянского конфликта, по сути, не имевшей в нем самостоятельного военно-дипломатического инструментария. В рассмотренном выше «панегирике на перспективу» в адрес Медичи Гвиччардини так характеризует данное изменение статуса Флоренции: «В настоящее время город находится в жалком состоянии, все вредит государству, потому что правительству трудно иметь враждебный народ и не иметь сильных приверженцев»⁶³. В рамках предложенного медичейской фамилией курса Флоренции оставалось довольствоваться ролью своеобразного перевалочного лагеря при организации переговоров между сторонами Итальянских войн. В этой функции республика выступила, в частности, в конце 1515 г. при Льве X на его пути в Болонью для заключения конкордата с французским королем Франциском I Валуа. По случаю визита понтифика в городе даже был устроен недельный праздник⁶⁴.

Флоренция оказалась ведомой в процессе объединения папой владений в Средней и Северной Италии под своей эгидой⁶⁵. Вместе с тем переход под папское управление отводил от флорентийских рубежей угрозу стать одним из очагов интенсифицировавшихся до предела в то время в Италии боевых действий.

⁶⁰ *Francesco Guicciardini*. Del modo di assicurare lo Stato alla Casa dei Medici. P. 327.

⁶¹ *Francesco Guicciardini*. Ricordi. P. 774.

⁶² *Francesco Vettori*. Op. cit. P. 149–150.

⁶³ *Francesco Guicciardini*. Del modo di assicurare lo Stato alla Casa dei Medici. P. 326.

⁶⁴ *Gilbert F.* Op. cit. P. 141–142.

⁶⁵ *Mallett M., Shaw C.* Op. cit. P. 117–118.

Взаимные претензии Франции и империи Габсбургов по статусу и границам Миланского герцогства усугубились вследствие испанско-имперского альянса, сформировавшегося после занятия испанского и имперского престолов Карлом Габсбургом⁶⁶. В наметившейся ситуации Лев X, получивший Модену, Парму, Пьяченцу и Реджо «в держание» от императора Максимилиана, поспособствовавшего отторжению этих территорий от владений герцога Феррары Альфонсо д'Эсте в пользу папы, поддержал унаследовавшего имперский престол Карла⁶⁷.

Данный «поворот» папы в сторону испанско-имперского альянса стал неприятным ударом для французского короля Франциска I, по свидетельству Гвиччардини, дававшему Льву X заверения «о расположении, выгодах и доверии к нему и его фамилии, больших, чем они могли бы ожидать от кого-либо еще»⁶⁸. В связи с этим Франциску I, рассчитывавшему теперь, по справедливому замечанию Франческо Веттори, «только на помощь швейцарцев»⁶⁹, предстояло для достижения цели итальянской кампании осуществить максимально неожиданный и быстрый удар. Но подобного французского успеха не последовало, что флорентинец с откровенным издевательством связал с настроениями нобилей французского королевства: «На самом деле французские дворяне вовсе не желали вступать в бой, несмотря на то, что за последние годы они одержали столько побед, что считались непобедимыми»⁷⁰.

Однако столкновение с французами в Северной Италии удалось отсрочить, но не отменить. Перед Гвиччардини в 1521 г. встала задача не дать французским войскам занять Парму, входившую в сферу его административно-дипломатической юрисдикции как уже не генерал-губернатора папской Модены, но как генерального комиссара всего папского войска. Эту должность флорентинец, как следует из составленного им в конце 1521 г рапорта «Об обороне Пармы», получил в начале того же года, передав губернаторство в Модене своему брату Якопо⁷¹. Подобное отношение понтифика и его администратора к обороне Пармы объяснялось тем, что в случае нападения французов на карту были поставлены все медичейские владения. В том числе и Флоренция, оказавшаяся в ситуации, обратной предсказывавшейся ей Гвиччардини несколькими годами ранее⁷²: теперь от способности папы защитить ближайшие к Милану рубежи в Северной Италии зависела участь «фронта» его власти в Тоскане. Громоздкий конгломерат медичейских владений в сложившейся ситуации на Апеннингах грозил развалиться как картонный домик. Генеральный комиссар папского войска при обороне Пармы отвечал не только за ее судьбу, но и за судьбу Флорентийской республики и даже всего медичейского политического проекта в целом.

⁶⁶ Mallett M., Shaw C. Op. cit. P. 136.

⁶⁷ Ibid. P. 135.

⁶⁸ Storia d'Italia di Francesco Guicciardini. Vol. 3. P. 144 [1186].

⁶⁹ Francesco Vettori. Op. cit. P. 162.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Francesco Guicciardini. Relazione della difesa di Parma. P. 47.

⁷² Francesco Guicciardini. Del modo di assicurare lo Stato alla Casa dei Medici. P. 328.

В письме брату Луиджи в 1516 г. Гвиччардини сообщал, что в подконтрольной ему Модене с войском ситуация обстояла немногим лучше, чем в его родной Флоренции. Он писал, что «хотел бы иметь возможность взглянуть на своих солдат»⁷³, предоставленных ему неким капитаном Бонджанни, однако не рассчитывает даже на «один из тех меньших отрядов, что у него есть»⁷⁴. Под меньшими отрядами Гвиччардини подразумевал вспомогательные силы, поставляемые Лоренцо ди Пьеро Медичи из флорентийских земель по соглашению с понтификом⁷⁵. Однако подобная практика зависимости Модены, Пармы, Пьяченцы и Реджо от временного привлечения войска со стороны папского сторонника Лоренцо поставила управлявшиеся флорентинцем земли в ситуацию борьбы двух группировок: сторонников понтификата Льва и дома Медичи и приверженцев автономии Модены. Как писал Гвиччардини своему брату в апреле 1517 г., эта борьба дошла до резни в пасхальный понедельник в Реджо: «...Все они взялись за оружие, оставили своих друзей и сторонников и укрепились в своих домах; я не знаю, успокоится ли дело здесь; но если оно пока успокоится, и если не будет большой демонстрации, то это начало, которое скоро вызовет другие беспорядки. Все произошло от жалкого правительства, которое там находится, ведь город сам по себе более склонен к мирному управлению, чем другие земли этой области»⁷⁶.

Однако конфликт в Реджо, как не без самодовольства отмечает Гвиччардини в письме так называемой Синьории охранителей (исполнительному органу папской власти в северо-итальянских областях), был улажен им уже в июле того же года путем простого перераспределения между его сторонами земель городского контадо⁷⁷.

Кроме того, уже вскоре после расширения своего «домена» папа начал повторствовать в экспансионистских устремлениях и своим родственникам из дома Медичи. Так, в 1516 г. от имени Льва X началась война между Лоренцо ди Пьеро Медичи и герцогом Урбино Франческо Мария делла Ровере, представлявшая собой, в каком-то смысле, борьбу между прошлым и настоящим папства. Дело в том, что Франческо Мария получил Урбино также в дар от своего родственника — предшественника Льва на папском престоле — Юлия II⁷⁸. При этом для герцогства Урбино Львом предполагалась такая же судьба, как и для выделенных его брату Джулиано земель в Модене, Парме, Пьяченце и Реджо: превращение в папский протекторат под знаменем дома Медичи⁷⁹. Но война за Урбино велась

⁷³ *Francesco Guicciardini*. Lettera a Luigi Guicciardini. 8 di Febraio 1516 // Zandoni E. La mente di Francesco Guicciardini. Nelle opera politiche e storiche. P. 400.

⁷⁴ *Ibid.*

⁷⁵ *Gilbert F.* Op. cit. P. 108.

⁷⁶ *Francesco Guicciardini*. Lettera a Luigi Guicciardini. 16 di Aprile 1517 // Zandoni E. La mente di Francesco Guicciardini. Nelle opera politiche e storiche. P. 404.

⁷⁷ *Francesco Guicciardini*. A Signori Conservatori. 20 di Luglio 1517 // *Ibid.* P. 406.

⁷⁸ *Mallett M., Shaw C.* Op. cit. P. 135–136.

⁷⁹ *Ibid.*

Лоренцо ди Пьеро очень малыми силами, предоставленными непосредственно папой, чтобы не нарушить генеральный нейтралитет Флоренции. Ф. Веттори в «Изложении истории Италии 1511–1527 гг.» писал: «Лев хотел, чтобы Лоренцо совершил подвиг в Урбино... потому что он знал, что так же, как это государство легко взять, его очень легко потерять»⁸⁰. Действительно, спустя три года Урбино при поддержке Франциска I вернулось к Франческо делла Ровере, что, по свидетельству того же Веттори, явилось для владений Медичи угрозой катастрофы: «Лев знал также, что его могут заставить отказаться от государства Урбино и вернуть Реджо и Модену, и заставить его оставить управление Флоренцией и изменить управление Сиеной, и, в сущности, подчинить папство тому, который скорее будет делать то, что ему угодно, чем бояться его»⁸¹. Под «тем, который скорее будет делать то, что ему угодно», в данном рассуждении, очевидно, подразумевается Франциск I, рассчитывавший установить свою власть в Северной Италии, в том числе на папских землях.

По мнению британского военного историка Д. Поттера, у французского монарха к 1521 г. сложилась прекрасная возможность реализовать свой проект дипломатическим инструментарием, тем более выгодным после провала в 1515–1516 гг. итальянского блицкрига⁸². Подобным средством для Франциска I могло стать заключение соглашения с Карлом Габсбургом о глобальном разделе Италии по линии «север – юг» на фоне закрепления за Карлом как новым королем Испании еще и королевского престола в Неаполе⁸³. При этом Лев X уже дал императору инвеституру на управление Неаполитанским королевством, не учитывая мнение Франциска⁸⁴. Ответным шагом в пользу понтифика со стороны Габсбурга стало подтверждение им имперской инвеституры Льву на владение Пармой и Пьяченцей. Этим шагом Карл откупался от возможной войны за эти земли с Францией, передавая их судьбу в руки папы⁸⁵. Соответственно, и на имперские войска Гвиччардини при обороне Пармы рассчитывать в полной мере не мог. Оставались дипломатические средства. Как отмечает Гвиччардини в рапорте «Об обороне Пармы», единственным возможным обстоятельством в его пользу, зависевшим от дипломатии, являлось удержание приграничных с Флоренцией областей Средней Италии от анти-медичейского мятежа в поддержку Франции. С этой целью были проведены переговоры с Джентиле Бальони, синьором Перуджи, долженствовавшим повлиять и на Франческо делла Ровере, вернувшего Урбино⁸⁶. Подобным шагом Гвиччардини предупреждал и возможное выступление республиканских

⁸⁰ *Francesco Vettori*. Op. cit. P. 177.

⁸¹ *Ibid.*

⁸² *Potter D.* Renaissance France at war: Armies, culture and society, c. 1480–1560. Woodbridge, 2008. P. 31.

⁸³ *Potter D.* Op. cit. P. 31.

⁸⁴ *Ibid.*

⁸⁵ *Ibid.* P. 32.

⁸⁶ *Francesco Guicciardini*. Relazione della difesa di Parma. P. 49.

«радикалов» в самой Флоренции, рассчитывавших с оглядкой на Францию восстановить в городе режим, подобный гонфалоньерату Содерини⁸⁷.

Еще одним дипломатическим обстоятельством, на которое мог рассчитывать генеральный комиссар папских войск, уже от него не зависевшим, была размолвка венецианцев, ранее союзных Франции, с Франциском I ввиду их притязаний в отношении Брешии, Бергамо и Виченцы. По мнению Гвиччардини, это «означало бы отказ от всего, что французы еще удерживали в Италии, за исключением крепостей Милана и Кремоны»⁸⁸. Однако венецианцы не выступили против Франции, и отбивать Парму силам Ф. Гвиччардини пришлось у франко-венецианского союза. Правда, в этом ему посодествовали брат Якопо и граф Гвидо Рангони, занявшие для обороны рубежи Реджо и Модены соответственно. В итоге Гвиччардини отрапортовал: «...Я могу с уверенностью сказать, что благодаря предпринятым мной усилиям город остался под властью церкви. Это событие было важным не только потому, что оно сорвало планы французов, описанные выше, но и потому, что оно послужило примером для других, например, для миланцев, которые доблестно сопротивлялись французам, когда те проходили через Ломбардию с очень сильной армией»⁸⁹.

При детальном рассмотрении рапорта Гвиччардини, можно уточнить, что флорентинец имеет в виду под предпринятыми усилиями. Прежде всего он сумел убедить местные элиты Пармы в необходимости организации сопротивления французам⁹⁰. У города в тот момент имелся перед глазами постыдный пример предательства: местный граф Кристофоро Торелло перешел на службу войскам Франциска и стал их гонцом⁹¹. Однако Гвиччардини успешно держал речь на пармезанском совете городских общин (Credenza) о примере обороны соседней с Пармой Пьяченцы, убедив пармезанцев, что можно и нужно отбиваться от французов, следуя примеру соседей. Правда, Гвиччардини скрыл от пармезанцев один нюанс обороны Пьяченцы: ее защищали швейцарские наемники из Цюриха, прибывшие в город по соглашению с Львом X⁹². Все тем же папским приказом, переданным епископу Пистойи, было постановлено перебросить тысячу швейцарских наемников из-под Пьяченцы к Парме⁹³. Однако понтифик из фамилии Медичи скончался 1 декабря 1521 г.⁹⁴, за несколько дней до начала обороны Пармы, и швейцарцы остались в Пьяченце, не пожелав участвовать в боях против французов под началом Гвиччардини, так как не знали, кто и как в такой ситуации мог бы оплатить их услуги⁹⁵. Тем не менее именно после выступления на совете городских общин

⁸⁷ Gilbert F. Op. cit. P. 133–134.

⁸⁸ Francesco Guicciardini. Relazione della difesa di Parma. P. 47.

⁸⁹ Ibid. P. 57.

⁹⁰ Ibid. P. 52.

⁹¹ Ibid.

⁹² Francesco Guicciardini. Relazione della difesa di Parma. P. 48.

⁹³ Ibid.

⁹⁴ Storia d'Italia di Francesco Guicciardini. Vol. 3. P. 348 [1388].

⁹⁵ Francesco Guicciardini. Relazione della difesa di Parma. P. 48–50.

Гвиччардини сумел собрать в Парме отряды от имени депутатов городских общин, возглавленные капитаном Франческо Саламоне⁹⁶, и именно эти отряды успешно осуществили оборону Пармы⁹⁷.

Следует отметить, что Флоренция в период Итальянских войн получила некоторый суверенитет (или его иллюзию), основывавшийся на имени и положении дома Медичи. Однако на рубеже 1530–1531 гг. Флорентийская республика пала под натиском имперских войск Карла V. Представители дома Медичи получили титул герцогов Флорентийских, но Флоренция из независимой республики превратилась в военно-дипломатический придаток империи Габсбургов. Гвиччардини назвал главную причину падения республики: «Во Флоренции нет никого, кто любил бы свободу и народное правительство настолько, чтобы, получив более высокий уровень жизни, не думать о том, что имеет, и не отдавать все себе, особенно если на него повлияют изменения в государстве»⁹⁸.

Заключение. В 1516 г. Гвиччардини вошел в высший эшелон политической элиты при медичейском понтифике, пропуском куда ему послужил панегирик «Как обеспечить государство дому Медичи». В период понтификата Льва X (Джованни Медичи) на фоне Итальянских войн началось изменение политики папства, преследовавшего цель слияния фамильных владений дома Медичи с территориями, подконтрольными папству. Для реализации своих планов Льву X был нужен аппарат служащих, способных реализовать его проект. Франческо Гвиччардини блестяще вписался в этот аппарат благодаря своим способностям и лояльности. А после смерти Льва X он сумел организовать успешную оборону Пармы в декабре 1521 г. Однако и он, утратив поддержку папства, не сумел предотвратить падения Флорентийской республики.

Литература

1. Павлов К. В. Голод и чума в эпоху Итальянских войн: повседневное и политическое измерение (по сведениям флорентийских источников) // История повседневности в российской гуманитаристике – взгляд из 2024 г.: Коллективная монография / под ред. Д. П. Шульгиной и др. М.: Канцлер, 2024. С. 307–315.

⁹⁶ Отметим упоминание Гвиччардини, дающее нам основания предполагать, что Саламоне был не просто местным капитаном пармезанцев, но кондотьером: «После того как я получил деньги и намеревался заплатить солдатам, некоторые, подстрекаемые Франческо Саламоне, отказались, заявив, что они хотят получить полную сумму, что было невозможно. После долгих обсуждений и уговоров они повернули к воротам, требуя, чтобы их выпустили во французский лагерь. Я последовал за ними, и на другой стороне их остановил их капитан, которому показалось, что вопрос зашел дальше, чем они хотели, и они согласились на половинное жалованье». В таком случае подлинная «подноготная» успеха пармезанского предприятия Гвиччардини могла бы оказаться несколько более циничной, нежели авторская легенда: подкуп части войск противника с переходом на папскую сторону (*Francesco Guicciardini. Relazione della difesa di Parma. P. 52–53*).

⁹⁷ Ibid. P. 52–54.

⁹⁸ *Francesco Guicciardini. Del modo di assicurare lo Stato alla Casa dei Medici. P. 334.*

2. Павлов К. В. Сочинение Франческо Гвиччардини «Как обеспечить государство дому Медичи»: нетипичный образец панегирического направления флорентийской ренессансной политической мысли // Гуманитарные исследования молодых ученых Южного Урала: науч. ежегод.: электрон. сетевое изд. Вып. 7. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2023. С. 11–16.
3. Bruno L. Machiavelli e I conflitti horrendi ma necessari // *Roczniki humanistyczne*. 2024. T. 72. № 5. S. 247–263. <https://doi.org/10.18290/rh24725.15>
4. Bryce J. The Donati-Ardinghelli wedding of 1465: A closer reading of Braccio Martelli's letter of April 27 to Lorenzo de' Medici // *Renaissance Quarterly*. 2024. Vol. 77. № 1. P. 26–58. <https://doi.org/10.1017/rqx.2022.433>
5. Călina N., Grozoiu L. M. On Francesco Guicciardini's Thought and Some of his Considerations on Machiavelli // *Athens Journal of History*. 2021. Vol. 7. № 4. P. 257–268. <https://doi.org/10.30958/ajhis.7-4-1>
6. Czapińska-Bambara M. Taxonomy of patience in sixteenth-century Florentine political thought // *Studia Ceranea*. 2024. Vol. 14. P. 1–18. <https://doi.org/10.18778/2084-140X.14.07>
7. del Palacio Martín J. “Contro a ogni ragione del mondo”: religion y realismo politico en el Ricordo C1 de Guicciardini // *Medievalia*. 2025. Vol. 28. № 1. P. 207–224. <https://doi.org/10.5565/rev/medievalia.725>
8. Fernández Muñoz J. Razon, experiencia e historia en los *Ricordi* de Guicciardini: el camino hacia la libertad // *Archivo Teológico Granadino* 88 (2025). P. 93–123. <https://doi.org/10.47035/atg.2025.88.5798>
9. Gilbert F. Machiavelli and Guicciardini: Politics and history in sixteenth-century Florence. Princeton: Princeton University Press, 1965. 358 p.
10. Goethals J. Apocalypse at the gate: Marching toward the 1527 sack of Rome // *California Italian Studies*. 2024. Vol. 13. № 1. 2024. P. 1–17. <https://doi.org/10.5070/C313162134>
11. Leira H., de Carvalho B. The intercity origins of diplomacy: Consuls, empires, and the sea // *Diplomatica*. 2021. Vol. 3. № 1. P. 147–156. <https://doi.org/10.1163/25891774-03010008>
12. Mallett M., Shaw C. The Italian wars, 1494–1559: War, state and society in early modern Europe. Routledge: Taylor & Francis Group, 2012. 391 p.
13. Phillips M. Francesco Guicciardini: the historian's craft. Toronto: University of Toronto Press, 1977. 213 p.
14. Potter D. Renaissance France at war: Armies. Culture and society, c. 1480–1560. Woodbridge: The Boydell Press, 2008. 456 p.
15. Rasmussen E. Politics of the imagination: Francesco Guicciardini and the conditions of effective government // *The Review of Politics*. 2025. Vol. 87. № 2. P. 169–192. <https://doi.org/10.1017/S0034670524000718>
16. Ridley G. Political obligation and self-sufficiency in Leonardo Bruni's history of the Florentine people // *Austrian History Yearbook*. 2024. Vol. 55. P. 1–13. <https://doi.org/10.1017/S0067237824000444>
17. Storia d'Italia di Francesco Guicciardini // *Opere di Francesco Guicciardini*: in 3 vol. / a cura di E. Scarano. Vol. 2–3. Torino: UTET, 1981. 1045+979 p.
18. Zanoni E. La mente di Francesco Guicciardini. Nelle opera politiche e storiche. Firenze: G. Barbera, 1897. 492 p.
19. Zanoni E. Vita Pubblica di Francesco Guicciardini. Con nuovi documenti. Bologna: Ditta Nicola Zanichelli, 1896. 626 p.

References

1. Pavlov K. V. Famine and plague in the Italian wars: Everyday and political dimensions (according to Florentine sources) // History of everyday life in Russian humanities — A view from 2024: monograph / edited by D. P. Shulgina et al. Moscow: Kanzler, 2024. P. 307–315. (In Russ.).
2. Pavlov K. V. Francesco Guicciardini's work "How to provide the state for the House of Medici": An atypical example of the panegyric trend of Florentine Renaissance political thought // Humanitarian Research of Young Scientists of the Southern Urals: scientific annual. Issue 7. Chelyabinsk: Publishing House of Chelyabinsk State University, 2023. P. 11–16. (In Russ.).
3. Bruno L. Machiavelli e I conflitti horrendi ma necessari // Roczniki humanistyczne. 2024. T. 72. № 5. S. 247–263. <https://doi.org/10.18290/rh24725.15>
4. Bryce J. The Donati-Ardinghelli wedding of 1465: A closer reading of Braccio Martelli's letter of April 27 to Lorenzo de' Medici // Renaissance Quarterly. 2024. Vol. 77. № 1. P. 26–58. <https://doi.org/10.1017/rqx.2022.433>
5. Călina N., Grozoiu L. M. On Francesco Guicciardini's Thought and Some of his Considerations on Machiavelli // Athens Journal of History. 2021. Vol. 7. № 4. P. 257–268. <https://doi.org/10.30958/ajhis.7-4-1>
6. Czapińska-Bambara M. Taxonomy of patience in sixteenth-century Florentine political thought // Studia Ceranea. 2024. Vol. 14. P. 1–18. <https://doi.org/10.18778/2084-140X.14.07>
7. del Palacio Martín J. "Contro a ogni ragione del mondo": religion y realismo politico en el Ricordo C1 de Guicciardini // Medievalia. 2025. Vol. 28. № 1. P. 207–224. <https://doi.org/10.5565/rev/medievalia.725>
8. Fernández Muñoz J. Razon, experiencia e historia en los *Ricordi* de Guicciardini: el camino hacia la libertad // Archivo Teológico Granadino 88 (2025). P. 93-123. <https://doi.org/10.47035/atg.2025.88.5798>
9. Gilbert F. Machiavelli and Guicciardini: Politics and history in sixteenth-century Florence. Princeton: Princeton University Press, 1965. 358 p.
10. Goethals J. Apocalypse at the gate: Marching toward the 1527 sack of Rome // California Italian Studies. 2024. Vol. 13. № 1. 2024. P. 1–17. <https://doi.org/10.5070/C313162134>
11. Leira H., de Carvalho B. The intercity origins of diplomacy: Consuls, empires, and the sea // Diplomatica. 2021. Vol. 3. № 1. P. 147–156. <https://doi.org/10.1163/25891774-03010008>
12. Mallett M., Shaw C. The Italian wars, 1494–1559: War, state and society in early modern Europe. Routledge: Taylor & Francis Group, 2012. 391 p.
13. Phillips M. Francesco Guicciardini: the historian's craft. Toronto: University of Toronto Press, 1977. 213 p.
14. Potter D. Renaissance France at war: Armies. Culture and society, c. 1480–1560. Woodbridge: The Boydell Press, 2008. 456 p.
15. Rasmussen E. Politics of the imagination: Francesco Guicciardini and the conditions of effective government // The Review of Politics. 2025. Vol. 87. № 2. P. 169–192. <https://doi.org/10.1017/S0034670524000718>
16. Ridley G. Political obligation and self-sufficiency in Leonardo Bruni's history of the Florentine people // Austrian History Yearbook. 2024. Vol. 55. P. 1–13. <https://doi.org/10.1017/S0067237824000444>

17. Storia d'Italia di Francesco Guicciardini // Opere di Francesco Guicciardini: in 3 vol. / a cura di E. Scarano. Vol. 2–3. Torino: UTET, 1981. 1045+979 p.
18. Zanoni E. La mente di Francesco Guicciardini. Nelle opera politiche e storiche. Firenze: G. Barbera, 1897. 492 p.
19. Zanoni E. Vita Pubblica di Francesco Guicciardini. Con nuovi documenti. Bologna: Ditta Nicola Zanichelli, 1896. 626 p.